От винта

Автор:
Геннадий Ангелов

От винта

Геннадий Евгеньевич Ангелов

От винта

Главный герой романа Михаил Дёмин по воле случая оказывается на оккупированной территории, и понимает, что прошлое нельзя изменить, перекроить под себя, остаться в живых, и спокойно вернутся обратно.

Можно найти союзников, убедить их в правоте своих действий, встретить новую любовь, и начать новую жизнь. Доказывая тем самым, что каждый человек рождается для выполнения определённой миссии, основная цель которой помочь людям, используя знания и навыки, и выживая в сложных условиях, повести за собой, в светлое будущее. Только светлое оно или нет, каждый решает для себя самостоятельно.

Геннадий Ангелов

От винта

«Бомбы останавливают время».

Трижды Герой Советского Союза Маршал Авиации А.И. Покрышкин

Не будите солдат спящих, тише,

Им нужна в этот час тишина,

Может кто-то из и не слышит,

Что давно отгремела война…

Нет землянок, глубоких окопов,

Угрожающих минных полей,

И воздушных ночных налётов,

От бомбёжек развалин, смертей!

Нет приказа идти в наступленье,

Невозможен расстрел или плен,

Не грозит им теперь окруженье,

И не видно в боях перемен.

Не будите солдат спящих, тише,

Пусть спокойно лежат в тишине,

Лишь Огонь Вечный в каменной нише,

Им напомнит о прошлой войне.

Он теплом души павших согреет,

Чтоб не мёрзли они под землёй,

Наша память жива, не стареет,

Хоть от горя и слёз – с сединой…

От винта

К 72 годовщине окончания Второй мировой войны и победы над нацизмом.

Книга является художественным произведением. Места действия, имена, характеры вымышлены. Все совпадения с реальными персонажами или событиями абсолютно случайны.

Глава 1

Украина. Наши дни

С чего начался первый рабочий день? Понедельник, уныние и тоска. Ничего не предвещало чего-нибудь сверхъестественного и необычного. Выходные проскочили незаметно и, с утра было лень просыпаться и топать на работу. Закончилась осень, и первые дни зимы стояли морозными. Прогноз ничего хорошего не обещал, и синоптики все как один твердили, что зима будет мокрой и промозглой. Собираясь на работу, я по привычке проверил, всё ли выключил на кухне и, осматривая себя в зеркало, с лёгкой иронией пришёл к выводу, что годы никого не щадят. И седина на висках, и мешки под глазами, и взгляд не такой задорный, без огонька, как в двадцать, когда молодецкая энергия искала выход на танцплощадках и гульках с друзьями, свидетельствовали о том, что скоро соседи будут в спину шептаться и говорить – старый дед, бобыль. Ну и ладно, плевать, живу, как сам считаю нужным. Ни к кому не лезу, не мешаю, тихо и мирно. Долгов нет, своя квартира, приличная работа, машина. В наше время это что-то да значило. На работе я числился на хорошем счету у начальства, получал премии, и всегда мог взять выходной, без лишних вопросов, и кислой мины на лице начальника отдела. Мы с ним были закадычными друзьями, и не реже чем два раза в месяц устраивали лёгкие попойки. Это сближало и настраивало на оптимистический лад. Я всегда был в курсе всего, что твориться в нашей конторе, и если возникала над головой тёмная туча, в виде внеочередной проверки, меня всегда предупреждали заранее. Работая бухгалтером не один год, и имея весомый личный опыт в работе, я всегда руководствовался простыми правилами и старался свою работу выполнять честно. Не скрою, иногда руки сами тянулись к офшорным счетам компании, с длинными нулями в американской валюте, но я себя сдерживал, понимая, что не в деньгах счастье. И даже не в их количестве. Перебирая на столе бумаги, я уныло посмотрел в окно. Пролетали первые снежинки и ветер за окном, завывая, безжалостно раскачивал и ломал хрупкие ветки деревьев. В офисе было тепло, но на всякий

случай, я включил дополнительный обогреватель и углубился в отчёты. Конец месяца, в первых числах народ с нетерпением ждёт зарплату. Валера как всегда появился не вовремя.

– Привет друг, что хмурый такой?

– Чему радоваться? – Смотри сколько бумаг.

И я пролистал толстую папку перед большим, грузинским носом Валерки.

– Миша, проще смотри на жизнь. «Работа не волк, в лес не убежит».

– Тебе хорошо умничать, ты начальник и можешь не приходить на работу. Увы, но я себе такого позволить не могу.

Валера скривил лицо и рассмеялся.

– Тебе бы мои проблемы. Жена уже достала.

И по горлу провёл рукой.

– Вот где стоит. То её не устраивает, что я рано прихожу с работы. Начал позже приходить, и что ты думаешь?

Я в задумчивости уставился на друга.

– Почему поздно приходишь… Представь только. И где мои глаза были, когда женился. Одна тёща чего стоит. Сделал ей летом ремонт, так она до сих пор недовольна. Хочет, чтобы я поменял деревянные окна на пластиковые. Это в четырёхкомнатной квартире.

– Брось, у вас прекрасная дочь, вы женаты более двадцати лет. Всё пройдёт. Не накручивай себя, не порть нервы. Как насчёт выходных? Хотя нет, не получится.

– Почему?

Валерка в одно мгновение загрустил, представляя, что выходные будет сидеть с женой перед телевизором.

– На кладбище нужно поехать. Могилку деда поправить. Давно не был.

– Геройский у тебя был дед, Мишка. Лётчик. Когда он погиб?

– В сорок втором, не погиб, пропал без вести. Самолёт разбился, и что произошло дальше неизвестно. Он упал на вражескую территорию, и мог оказаться в плену. Я пытался искать в архивах, но ничего не нашёл. Не один год занимался, перевернул кучу литературы, делал запросы, всё тщетно.

– Мишка, сегодня только понедельник, до конца недели – вечность. Ну, ты меня знаешь, если появится свободное время, я двумя руками «за».

В дверь постучали, и мы почти в один голос с Валеркой ответили: – Открыто!

На пороге показалась Эльвира, секретарь-референт директора, и деловито поправляя очки на миловидном личике, уставилась с недоумением на нас. Выглядела она как всегда – безупречно, и я, задерживая дыхание, смотрел на аппетитные формы красотки. Деловой костюм Эльвиры, серого цвета, подчёркивал потрясающую фигуру, и округлые формы. Туфельки на тоненьких шпильках выгодно подчёркивали стройные ножки. Запах духов Эльвиры напоминал – Эдемский сад. С появлением женщины в кабинете стало более уютно, теплее. Я уже представил, как целую её в алые губки, у неё кружится голова, и я тут же успеваю подхватить на руки и несу в спальню. Наваждение так же быстро исчезло, как и появилось. В руках она держала папку и ждала, когда двоих мужиков отпустит.

– Дёмин, вас ждёт в обед шеф. И не забудьте взять бумаги по прошлому месяцу.

Она хотела уйти, но Валерка схватил её за руку и не отпускал.

– Эльвирочка, солнышко, приходи к нам с Мишкой на выходные. Отдохнём по полной программе. Как добрые коллеги и закадычные друзья. Обещаю, как пионер, торжественно клянусь, приставать не буду.

У Валерки на лбу было написано, красными чернилами, чего он хочет от Эльвиры. Но она глазом не моргнула. Знала себе цену, и не собиралась размениваться на женатика, и старого бобыля.

– Знаю я вас, товарищ Сергеев, вам бы только от жены и детей сбежать, на большее не способны.

– Для тебя на всё, что угодно.

Валерка театрально встал на одно колено и склонил голову.

– Для начала развод с благоверной супругой, не на словах. Потом приходите, но я ничего не обещаю. Впрочем, знаю вас давно, и не верю, что бросите семью. Поэтому мальчики, адью, выходные без меня. Будет скучно, звоните в массажные салоны. И приятный отдых вам гарантирован.

Я хотел было возразить, но Эльвира скрылась за дверью.

– Вот мегера, никому не даёт, – пробубнил с досадой Валера. – А какие буфера, попка. Высший класс!

– Могу помочь охмурить Эльвиру.

– Брось, её танком не прошибёшь. Броня Т-80.

– Сделай фиктивную бумажку о разводе и сунь ей под нос. Только сделай это быстро, чтобы она не опомнилась. Пригласи вечером в ресторан и покажи.

– А что, неплохая идея. У меня знакомая в загсе работает, за деньги, она мне не только сделает бумагу о разводе, а и выпишет новое свидетельство о рождении. И в нём напишет, что я сын Юрия Гагарина.

Друг от души рассмеялся и заметно повеселел. Отряхивая пылинки с брюк сказал: с меня выпивка и закуска. Выставляюсь за твою идею. Пойду, подумаю, как это лучше состряпать.

Я посмотрел на часы, они показывали десять тридцать. До обеда оставалось полтора часа, я схватил мышку и принялся на мониторе открывать папки с отчётами. Цифры мелькали одна за другой перед глазами. Находя ошибки, я тут же исправлял и, включая принтер, распечатывал. Когда половина работы была закончена, уселся в кресло и задумался. Что-то тревожило и, пытаясь сосредоточиться на суматошных мыслях искал ответ. Внезапно перехватило дыхание и закололо сердце. На лбу появилась испарина, и неведомый страх сковал суставы. Откидывая голову на спинку кресла, хотел позвать на помощь. Слова застряли как кость в горле. Встать самостоятельно не мог, и как сноп свалился со стула на пол. Боль была невыносимой и, закрывая глаза, я успел увидеть перед глазами мигающий монитор и жадно глотая воздух, потерял сознание.

Пробуждение было резким и стремительным. Я стоял во весь рост, и в лицо дул тёплый весенний ветер. Где-то вдалеке слышалось пение птиц. Запах отличался от городского тем, что в нём не чувствовалось неприятного смога и горькой терпкости. Боясь открыть глаза – попытался себя ощупать. Ноги, руки целы, сердце не болит. Странно. Я отчётливо помнил, как свалился в офисе под стол и на тебе. Чертовщина какая-то. С боязнью открывая один глаз, увидел солнце и облака. Глаз стал слезиться, и я машинально потёр его рукой. Где я? Местность была совершенно незнакомой. Оглядываясь по сторонам, был удивлён ещё больше, когда увидел, как и во что одет и обут. На ногах красовались кирзовые сапоги, а вместо куртки или плаща – солдатская шинель.

«Цирк, не меньше», – подумал я, и тщательно проверил карманы. Ничего. Шинель источала запах сырости и махорки. Неровная, хорошо укатанная колея вела к лесу и, прихрамывая, из-за того, что ногу натирал правый сапог, заковылял по пыльной дороге. Бред. Людей по близости не наблюдалось, и от этого на душе было тревожно.

– Эй, кто это придумал? Хватит! Нельзя так шутить с человеком, у которого больное сердце.

На мой крик никто не отозвался, и не вышел из-за кустов с микрофоном, камерой, весёлым выражением лица, и словами: вас снимает скрытая камера! И дальше толпа друзей с цветами и подарками набросилась бы на меня. Увы, этого не случилось, и мне пришлось усесться на пень и снять один сапог. Пятка уже кровоточила, и я сорвал подорожник, и приложил к ране. Дорога вела в лес, но идти туда мне не хотелось. Оглядываясь, я любовался природой, тишиной, и

думал, успокаивая себя, что это всего лишь сон, и скоро всё закончится. Раньше мне снились цветные сны, в детстве. Тогда я летал, купался в океане, и лазил по горам. Сны были настолько реальными, что родители меня часто ругали за то, что я долго валялся по утрам в кровати. Где-то за лесом, что-то загромыхало, и я невольно втянул голову в плечи. Страх. Он был настолько сильным, что меня прошиб мелкий озноб.

За деревьями послышались голоса. Кто-то разговаривал, причём на повышенных тонах. Голоса чужаков были до боли знакомыми. Странный русский язык, вперемешку с украинским. Суржик, не иначе. Хотя почему чужаков? Они здесь живут, и чужак, скорее всего я, чем они. Становилось страшно, хотя трусом себя никогда не считал, но здесь и сейчас… Уже чётко различая обрывки фраз, и идиотский смех незнакомцев, не на шутку испугался.

– Так ты б ту Галю, не видпускав. Баба в самом соку, Петро. Небось струхнул, шо чоловик вернётся до дому, и к стенке тебя поставит?

– Який там чоловик, Сидор? Я цих комуняк, як стреляв и вишав, так и буду це робити.

– Не бреши, я помню як ти ховався от председателя.

– Кто это?

Я с ужасом смотрел на двоих мужчин. Они странно выглядели, и казалось, что меня не замечают. Одеты в старую австрийскую форму, с сине-желтыми повязками на рукавах. На головах «петлюровки», фуражки которые во время войны носили украинские националисты. У одного на плече висела винтовка, у второго болтался немецкий шмайсер. Тот, что был с винтовкой явно младше по званию, заглядывал в глаза напарнику, приплясывая, словно уличная шавка вокруг хозяина. На вид ему было не больше двадцати пяти лет. Белобрысый юнец, с красным, прыщавым лицом и пышным, рыжим чубом, торчавшим из-под фуражки. Второй, с усами и бородой, был выше товарища и гораздо шире в плечах. Эдакий великан, дядя Стёпа, под два метра ростом. Я отвернулся, надеясь, что это всего лишь сон и скоро всё закончится. Не хотелось наяву с ними познакомиться.

– Ты дивись Петро, це хто сидить? И думает, шо ми его не бачимо.

Щёлкнули затворы, и незнакомцы направились в мою сторону.

– Руки в гору, и не дёргайся, собака. Ты кто такой? И как здесь оказался?

– Ты шо язык проглотил? – спросил второй, и ткнул меня винтовкой в живот.

– С какой части? Комиссар?

В горле пересохло, от напряжения лоб стал мокрым и по спине побежал тоненький ручеёк пота.

– Не знаю, – едва выдавил два слова.

– Контуженный?

Я закивал головой и попробовал улыбнуться.

– Ты зубы не скаль, встал и шагай прямо. Надумаешь тикаты, тут и похаваем, под дубом.

Хромая, и всё ещё не веря в происходящее, я медленно ковылял по тропинке. Мои конвоиры не на шутку развеселились столь лёгкой добыче, и уже строили различные планы. Не выдержав, я остановился и резко повернулся к ним.

– Послушайте, это какое-то недоразумение. Я здесь не должен быть. И вообще, прекратите этот маскарад. Хватит, уже сыт по горло вашим балаганом. Отбой ребята, я полностью поверил в прекрасно поставленный спектакль и хочу узнать только одно; кому из своих друзей обязан за сие чудо?

– Эй, комиссар, ты дурак или прикидываешься? О чём ты базаришь?

Со мной разговаривал Сидор и с идиотской улыбкой на лице не думал отступать. Весомый аргумент в виде шмайсера в крепких руках, был направлен в грудь. И с этим фактом спорить бесполезно. Он оттянул рукоять затвора и вытянул автомат вперёд. От страха зажмуривая глаза, я понимал, что рука у него не дрогнет, и сейчас всё для меня закончится.

– Дурень, – продолжил Сидор, – будешь рассказывать в деревне, кто ты такой и всё остальное. Кругом, и шагай молча, не то пуля поставит всё на свои места. Понял?

Мне ничего не оставалось, как развернуться и идти дальше, проклиная всё и всех, и думая, чья же всё-таки это затея? Тропа заканчивалась и моему взгляду открылась широкая лесная дорога. Повсюду были вырублены кусты, сломаны деревья. Можно было предположить, что совсем недавно здесь прошёл ураган, превративший лес в унылое, заброшенное кладбище. Запах дыма и гари разъедал глаза. Я машинально потёр их руками, и едва не провалился в глубокий ров. Он был присыпан ветками и листьями, и незаметен. Заглядывая и внимательно осматривая, что находится внизу, едва от испуга не прикусил язык. Такого раньше видеть не доводилось, даже в пресловутых фильмах ужасов. Вдоль всей ямы лежали убитые красноармейцы. Жуткая картина заставила меня опустить глаза. Горы мяса и костей, лежали под открытым небом, издавая характерную вонь. От солнечных лучей трупы гнили, и миллионы мух кружили над брошенными останками. Чёрные лица людей, с простреленными глазницами смотрели в небо. Кое-где валялись оторванные снарядами руки и ноги. Чуть дальше я заметил блиндаж, точнее, то, что от него осталось. Доски, камни, посуда, банки консервные, валялись на земле. По всей видимости, прямое попадание разнесло его в щепки. Телега с парой убитых лошадей лежала на боку, и везде кружил невообразимый хаос. «Здесь поселилась смерть», – подумал я, и непроизвольно сжал кулаки.

– Своих шукаешь? Не узнаешь? Смотри, что осталось от твоей доблестной Красной Армии. Такая участь ждёт и других, кто не захочет принять немецкую власть.

Мне захотелось броситься на своих конвоиров и разорвать их на куски голыми руками. Эти ублюдки считали себя победителями и даже не представляли, чем всё для них в ближайшем будущем закончится.

– Молчишь, комиссар? То-то и оно, никто не сможет осилить немцев. Это сила, порядок! Фюрер ненавидит комуняк и евреев, поэтому всех будем стрелять и вешать.

– Всех не перевешаете, – ответил я осипшим голосом.

– Що? – Що ты там бухтишь? В канаву захотел? Покойничков проведать? Так это мы быстро организуем.

– Стреляй сука, чего медлишь?

Я повернулся к ним лицом и готов был принять смерть. Мне уже всё осточертело, и если умирать и лечь в сырую землю, то почему бы не среди своих солдат, на поле боя? Перекрестившись, я двинулся прямо на своих конвоиров. Те замешкались, явно не ожидая такого поворота. Где-то вдалеке заревел мотор, и гул приближался с каждой секундой. Ствол автомата упёрся мне в грудь, но трусливые гады не решались спустить курок.

– Стой! Что здесь происходит?

Оглядываясь, увидел двоих немцев на мотоцикле. Один из них снял очки, заглушил мотор и, спрыгивая, направился к нам. Второй немец остался сидеть в коляске, держа руки на пулемёте, и развернул его в нашу сторону. На груди у немца болталась большая бляха и, судя по нашивкам на форме – это был офицер. Среднего роста, с волевым подбородком, и чуть продолговатым лицом, он смотрел без страха, и совершенно спокойно разговаривал на русском.

– Комиссара схватили в лесу, господин офицер. Контуженный, видать выжил после боя и не знал куда идти. Мы так его тёпленьким и взяли.

Сидор вытянулся и ожидал, что его похвалит офицер. Но тот странно смотрел на меня и молчал. Изучал. И не спешил с выводами.

– Расстрелять всегда успеем. Отведите его в деревню, и сдайте в комендатуру. Выполняйте!

Офицер ещё раз смерил меня суровым взглядом с головы до ног и ушёл. Мне оставалось только благодарить судьбу за то, что не остался лежать с простреленной головой в канаве. Хотя, что будет дальше? Немцы уехали, поднимая столбы пыли на дороге.

– Повезло тебе комиссар, в рубашке родился.

И со всей силы врезал меня кулаком в челюсть. Голова моя тут же откинулась назад, и я свалился как сноп на траву.

– Вставай, гнида красная, тебе ещё час топать до деревни.

Боль от удара была настолько реальной, что я не сразу смог поставить скулу на место. Она болела, и свернутая на правую сторону не поддавалась. На зубах скрипел песок и я, сплёвывая сгустки крови, кривился, и думал о плане мести. Деревенька, в которую меня привели полицаи, ничем особенным не выделялась. Хаты, покрытые соломой, дворики захудалые, скотины и прочей живности не наблюдалось. Создавалось такое впечатление, что никого здесь нет, и война основательно коснулась этого небольшого клочка земли. Люди вымерли, а те, кто уцелел, бежали из деревни. Не захотели быть под немцами и скорее всего, ушли в леса, партизанить. Хотя это были всего лишь мои предположения, ни на чём не основанные. Я вертел головой и пытался заглянуть в окна, чтобы увидеть людей. Но там зияла пустота, мрачная и холодная. Полицаи связали мне руки за спиной верёвкой, и от усталости я готов был упасть без сил на землю и больше не вставать. Возле покосившегося сарая мне развязали руки и затолкнули внутрь. В углу лежал сноп сена, и я свалился в мягкую, душистую траву и сразу от усталости отключился. Сколько я спал, не помню, но разбудил меня сильный удар в живот, после которого я закашлялся и в глазах потемнело. Скрутившись, я с трудом поднялся и, шатаясь, поднял голову. Передо мной стояла наглая морда Сидора и злобно скалилась.

– Пошли, гнида, сейчас ты всё расскажешь и вспомнишь.

В глаза резанул солнечный свет, и я зажмурился. Сидор схватил меня за воротник и потянул в хату, где уже ждал немецкий офицер. Полицай поставил табуретку посреди комнаты и показал мне пальцем. Внутри избы было светло и уютно. Полы сияли чистотой, на окнах висели занавески, в углу под иконкой горела свеча. На дощатом столе стояли два глиняных горшка и бутылка с мутной жидкостью. Самогон? Так и есть. Вместо пробки из горлышка бутылки торчала туго скрученная газета. В печи что-то готовилось, и мясной аромат заставил меня вспомнить о том, что как следует, ел часов пять назад, в другом времени. Сидор остался стоять у двери. Я краем глаза увидел, как он снял с плеча автомат и поставил рядом. Офицер стоял спиной и смотрел в окно, не обращая внимания на шум. Невысокого роста, толстый и малоподвижный. Казалось, что он о чём-то задумался, и плевать хотел на пленного. Когда он повернулся я смог различить знаки отличия. В светло-сером кителе, белой рубашке и черном

галстуке, офицер явно гордился своей формой. Это было заметно по холёному и напыщенному лицу. На фуражке зияли канты, в виде серебристого жгутика. На левом рукаве красовался ромбик с буквами SD, погоны чёрного цвета.

– Моя фамилия Эйхман. Оберштурмфюрер СД. Надеюсь, понимаешь, что шутить с тобой здесь никто не намерен? Наслышан, небось, об СД?

Его круглое лицо сияло от удовольствия, и он не был похож на тех немцев, которых я видел в кино. Сама любезность и учтивость. Сытая физиономия Эйхмана могла в любой момент лопнуть. Аккуратно уложенные волосы и маленькая полоска усиков, делала его похожим на артиста цирка, клоуна, в широких шароварах, огромным пузом, вместо которого лежала подушка туго затянутая верёвкой. Я усмехнулся и наклонил голову, чтобы не раздражать Эйхмана.

– Ты партизан?

– Нет, не партизан.

– Откуда?

– У вас прекрасный русский язык, господин Эйхман.

Мои слова польстили Эйфману и на его румяном, почти девичьем лице снова возникла самодовольная улыбка.

– Вы правы, до войны я любил читать русскую литературу. Достоевский, Пушкин, Гоголь. Поэтому мне хорошо знаком не только язык, но и нравы, обычаи этого народа. Предупреждаю вас, что если вы не будете говорить и станете тратить моё время, вас расстреляют.

Он наклонился ко мне и ткнул толстым пальцем в лоб.

– Пуф, и вас уже нет, дорогой мой.

– Мне нечего вам сказать. И то, что вы мне не верите, ваше право. Не помню, как оказался в лесу, где меня нашли эти…

И я повернул голову и кивнул в сторону Сидора. Тот оскалился и подтвердил кивком головы мои слова.

– Значит, не хотите говорить?

Эйфман стал серьёзным и глаза его в одно мгновение превратились в две злобные, маленькие щёлки. Клоун устал от неблагодарной публики и превратился в кровожадного монстра.

– Расстрелять, немедленно.

Его голос перешёл на истерический крик. Топая ногами, он ругался на русском и немецком, и напоследок, со всей силы врезал меня ногой в грудь. Я свалился со стула и закашлялся. Казалось, что уже начал привыкать к ежедневным побоям, и спокойно воспринимал свою дальнейшую участь. Сидор снова выволок меня на улицу, и оттащил к сараю.

– Ну шо, комиссар, я же тебе говорил, что рано или поздно, но расстреляю тебя. Вставай, падла.

Поднимаясь, я увидел ещё двоих полицаев. Они приехали на подводе и смотрели на нас.

– Будь комиссар, на том свете своим привет передавай. И скажи, что всем комунякам гореть в аду.

Понимая, что сейчас всё закончится, я просто упал на землю и закрыл голову руками. Умирать не хотелось, но без оружия я для Сидора был легкой мишенью. И снова сердце начало предательски колоть. Задерживая дыхание, и стискивая зубы, зарычал. Сидор вместе с другими полицаями приближались, и я краем глаза видел их грязные сапоги. Ещё минута и меня расстреляют, и никто ничего не узнает. И тут возникла зияющая холодная пустота, вакуум и, открывая глаза, увидел, что лежу в офисе на полу, и тупо смотрю на настенные часы. Они всё так же показывали половину одиннадцатого. Поднявшись, не обнаружил армейской одежды – шинели и сапог. На мне был одет деловой костюм и галстук. В теле чувствовалась лёгкость. Усталости как не бывало. И сердце работает ровно и без сбоев. Чудеса, да и только. Причудится такое. Я уселся за стол и принялся

дальше исправлять документы. И тут моё внимание привлекли пальцы, стучавшие по клавиатуре, точнее ногти. Под ними была липкая грязь. Принюхиваясь, я узнавал запах весны и леса, и последние минуты перед расстрелом в неизвестной деревушке.

Глава 2

Домой я вернулся поздно вечером. По пути забарахлила машина, и мне пришлось её ремонтировать. Киев уже замело снегом, и снегоуборочная техника, как обычно у нас это случается, ломалась и не успевала убирать и чистить дороги. Уже давно нужно было поменять старенькую «Шкоду», но рука не поднималась. С этой машиной было связано много приятных воспоминаний, и поэтому продавать я её не спешил. Настроение было испорченным, и чтобы как-то украсить холостяцкий вечер и ужин, в магазине купил бутылку коньяка. Продавщица, молоденькая девочка лет двадцати, нахваливала коньяк «Азербайджан» с десятилетней выдержкой. Покупая бутылку, взял несколько банок рижских шпротов. Выйдя на улицу из магазина, рванул домой, потому что погода окончательно испортилась и крупные снежные хлопья кружились хороводом по пустынным улицам. Красота, да и только. Заскакивая в подъезд, случайно столкнулся лбом с соседкой с верхнего этажа. Грузная и неповоротливая, она по натуре своей была добрым и приветливым человеком. Муж у неё пил, и ей одной приходилось работать, содержать семью. Она изо всех сил тянула на поводке упирающегося французского бульдога на вечернюю прогулку, ругала его за трусость, и не заметила меня.

– Ой, Мишенька, прости. Ты видишь, этот негодник не хочет идти гулять.

Я уставился на несчастную собаку, которая смотрела на меня большими, водянистыми глазами и просила заступиться.

– Ничего, всё нормально, Варвара Сергеевна.

Бульдог скулил и пытался спрятаться за моими ногами от хозяйки.

– Как твои дела? Жениться не надумал? У меня есть потрясающая подруга, как раз в твоём вкусе. Если хочешь, могу познакомить. Женщина в самом соку, работает в банке, квартира в центре, дети живут отдельно. Очень интеллигентная и сексуальная. Конфетка.

Причмокивая пухлыми губами, она улыбнулась, сверкая золотыми коронками.

– Спасибо, одного раза хватит.

Я вспомнил о неудачном знакомстве, по совету Варвары Сергеевны и ухмыльнулся.

– Ты про Надьку? Я тебя умоляю, кто же знал, что она окажется пройдохой. На вид умная и серьёзная женщина.

Варвара Сергеевна уже передумала выводить собаку на улицу, и всячески уговаривала меня на новую встречу. Я как мог, отнекивался и, ссылаясь на то, что много работы, убежал. Уже перед дверью я услышал, как с первого этажа кричит Варвара Сергеевна: Мишенька, дорогой, ты подумай, я завтра вечером к тебе загляну. Не пожалеешь.

Хлопнув дверью, я смог наконец-то спокойно вздохнуть и расслабиться. Принимая душ, с наслаждением думал о предстоящем ужине и бутылке коньяка. Обтираясь насухо, одел халат, тапочки и засеменил на кухню. Открывая холодильник, скривился. Он был пустой, и давно нуждался в разморозке. В морозильной камере лежали полуфабрикаты и, перебирая их, я вытащил куриные котлеты и бросил их в микроволновку. Через минуту нехитрая снедь, с открытой баночкой шпротов стояла на журнальном столике. Коньяк обладал приятным запахом и, наливая в пузатый бокал, я с удовольствием наслаждался божественным ароматом.

Квартира мне досталась от родителей. Они лет семь назад уехали в Америку и не собирались возвращаться обратно. Общаясь с ними по скайпу, я уставал от ежедневных предложений мамы приехать к ним. Оттягивал поездку как мог. Не потому, что не хотелось увидеть своими глазами Америку, нет. Просто здесь, в Украине, было всё гораздо ближе и роднее. Родители в один голос твердили про внуков, и я каждый раз обещал им заняться этим вопросом вплотную. Я был единственным сыном и с детства испытывал со стороны родителей настоящую

любовь и ласку. Меня баловали, как могли и ни в чём не отказывали. Со школы у меня выработалась привычка читать. И от родителей досталась громадная библиотека. Более пяти тысяч книг стояли на полках, лежали в шкафу, в кладовке, на полу. Библиотеке была отведена отдельная комната, и когда уже становилось совсем невмоготу от одиночества, я шёл к своим верным и преданным друзьям – книгам, и запоем читал. Электронные книги, которыми сейчас был забит до отказа интернет, мне не нравились. Привычка держать книгу в руках, чувствовать запах типографской краски, листать страницы, была неискоренимой. Любил классику, приключения, военную прозу. Отец собрал труды почти всех великих полководцев, и я часто переносился мыслями в военные годы, и как истинный книголюб, с благоговением переворачивал одну страницу за другой. Так часто и засыпал в кресле с книжкой на коленях.

Когда друзья гоняли во дворе в футбол, зимой ходили на речку кататься на коньках, я сидел дома, изучая историю. Школу закончил с отличием, благодаря хорошей памяти, смог учить наизусть стихотворения и запоминать цифры с рисунками. Если для остальных ребят домашнее задание представляло непосильный труд, то я справлялся с лёгкостью, и даже помогал товарищам. По настоянию отца, после окончания школы подал документы в военное училище. Уезжать из дома не хотелось, и я тогда со слезами на глазах прощался с родителями. В Харькове, я сдал экзамены, и поступил в национальный университет Воздушных Сил имени Ивана Кожедуба. Преподавателей поражал уровень моих знаний, и так я стал одним из самых перспективных курсантов. Хорошо разбирался в тактических приёмах, иностранной технике, всегда старался проводить анализ ошибок, как обороны, так и наступления. На полигоне метко стрелял, и с молодецкой находчивостью находил выход в трудных армейских задачах. Но чем больше я находился в армии, тем сильнее понимал, что военная служба не для меня. Хотя преподаватели пророчили мне блестящую карьеру военного. И окончив университет, к удивлению многих друзей, остался на гражданке. Сказались годы, прожитые в армейской общаге, среди клопов и вшей. Кормили из рук вон плохо, будущие офицеры голодали и спасались только тем, что им присылали родственники. Ко мне приезжали родители, и отец, видя весь этот бардак, уныло качал головой и не настаивал на том, чтобы я остался в армии. Я тогда был ему очень благодарен за то, что он оставил за мной право выбора, как за настоящим мужчиной. Больно было на всё это смотреть, в огромной стране, выигравшей войну, потерялись приоритеты. И на телевидении, в газетах, на первом месте стояли воры и бандиты. Двухтысячные, или как говорят «нулевые» года для огромной страны стали переломными и к военным относились без должного уважения. Научившись выживать, я не один раз впоследствии был благодарен университету. Мои

умения не раз спасали жизнь, но об этом чуть позже.

Вернувшись домой, на гражданку, долго искал работу. Платили тогда мало и на жизнь едва хватало. Помог старый друг отца, который устроил меня в строительную фирму «Зюйд-Вест». Молодая компания тогда только начинала делать первые шаги, и моё рвение и желание работать не осталось незамеченным у начальства. Так год за годом, я стал первоклассным специалистом и не жалел ни о чём. Денег хватало, я мог поехать на отдых в Грецию, Турцию, в Европу, куда душа желает, и при этом не экономить на гостиницах, и перелётах. Так, в аэропорту Киева, Борисполе, познакомился с Еленой, четыре года назад. Я вышагивал возле терминала и собирался улетать в Грецию. Внимательно изучая расписание, не заметил, как столкнулся с ней. Краснея и одновременно бледнея, в прямом смысле этого слова проглотил язык, и таращился на очаровательную незнакомку во все глаза. Это случилось летом, и Елена только прилетела из Европы. Жизнерадостная, загорелая, она смотрела на меня сверху вниз, когда я собирал разбросанные вещи из её чемодана.

– Простите меня, ради Бога, – сказал я, торопливо укладывая платья, крема, журналы обратно в чемодан.

Елена стояла и не шевелилась. Как после она сама призналась, я тоже ей понравился, особенно когда долго возился с застёжкой и заикался от смущения. Это выглядело смешно. Девушка улыбалась и специально не торопилась мне помочь.

– Скажите, вы всегда такой рассеянный? – спросила она и подняла с пола блузку, которую я почему-то не заметил.

В её голубых глазах было столько нежности и тепла, что я забыл обо всём на свете. Это случилось со мной впервые в жизни, и я не имел опыта общения с девушками. Голубое платье Елены с кожаным ремешком на талии, и распущенные длинные волосы, делали её похожей на загадочную Ассоль, из повести Александра Грина «Алые паруса». Позже я убедился, что судьба Елены в чём-то похожа с героиней Грина. Елена, как и Ассоль, рано потеряла маму, она умерла во время операции в больнице. Отец Елены был человеком замкнутым и нелюдимым. И воспитанием дочери не занимался. В пять лет Елена осталась на руках у бабушки, и только благодаря её душевной любви и ласке, смогла вырасти и получить хорошее образование. Отец Елены уехал на Север, и так и не вернулся к дочери. И что с ним случилось, Елена не знала.

Когда закончил с чемоданом Елены, объявили мой рейс. Лететь уже не хотелось, и я честно признался в этом Елене. Она, недоумевая, пожала плечами и хотела уйти.

– Елена, Бог с ним, с отпуском, я ещё успею улететь. Давайте я вам помогу с вещами.

К моему удивлению Елена согласилась, правда, прежде чем я взялся ей помогать, отправила меня в кассу сдать билет.

– Миша, может, всё-таки полетите? – спросила она с улыбкой. – Нельзя же быть столь легкомысленным.

Ничего не отвечая, я пулей побежал в кассу. Вернувшись, не обнаружил на месте Елену. Выбежав на улицу с испуганными глазами, увидел её на автобусной остановке и радостно помахал рукой.

– Я думала, что всё-таки передумаете и улетите, и не стала вас ждать, – сказала она и взяла меня за руку.

Тепло исходившее от руки Елены в одно мгновение заставило забыть о том, что мы десять минут назад познакомились. Я смотрел в её большие, чистые глаза и понимал, что Елена создана лишь для меня одного. Уже в автобусе, по дороге в город, мы с ней болтали как старые, добрые друзья, и я ни капельки не жалел о том, что не полетел на отдых. Елена делилась впечатлениями от поездки и показывала фото. Я рассказывал ей про военное училище и работу. Девушка хохотала, когда я шёпотом говорил о своих успехах и неудачах на службе. Два года совместной жизни с ней пролетели незаметно. Я был счастлив и собирался сделать предложение. Если бы не несчастный случай. Зимой Елена возвращалась домой с работы и, переходя дорогу, на пешеходном переходе была сбита машиной. Нелепая смерть навсегда лишила любимого человека. Водитель на джипе был в хлам пьян и унёс жизни ещё нескольких людей. Потом был суд, приговор. Я хотел задушить этого подонка своими руками на суде, и если бы не конвой, лежать бы ему на кладбище. Меня силком оттянул адвокат и вывел из зала заседаний. Туда я больше не вернулся. В течение следующего года беспробудно пил. Не мог забыть Елену и часто по ночам от одиночества рыдал в подушку. По ночам, закрывая глаза, я видел её в голубом платье, как в первую нашу встречу в аэропорту. Она стояла и улыбалась. Пытаясь к ней

дотянуться, хватал руками воздух и падал с дивана. Трудное время, которое я не смогу забыть до смерти.

Наливая коньяк, помянул Елену, и с неохотой поковырял вилкой в тарелке. Потом были другие женщины, знакомства, встречи, но таких чувств как к Елене, я ни к одной из них не испытывал. Чтобы отвлечься, взял книгу, и принялся за чтение. Неожиданно я зацепил правой ногой за ножку кресла и ощутил резкую боль. Снимая носок, увидел на пятке всё ещё кровоточащую рану от армейского сапога. Болтался кусок пластыря, и рана была кем-то обработана. Хотя я отчётливо помнил, что этого не делал. И в этот самый момент снова возникла резкая боль в сердце, и всепоглощающая пустота поглотила в неизвестность.

Глава 3

– Эльвирочка, ты ко мне несправедлива. Я к тебе всей душой, а ты…

Эльвира скривила губки и подняла бокал с вином. Слегка прищурилась и улыбнулась. Валера отвернулся и сделал вид, что обиделся.

– Валера, ты думаешь, я поверила тебе, что ты уходишь от жены?

Голос Эльвиры стал строгим, несмотря на выпитую бутылку вина. Валера смотрел на сцену, где разворачивалось грандиозное шоу. Он пригласил в клуб «Индиго» Эльвиру и сейчас уже понимал, что из его затеи ничего не выйдет. Эльвира была неприступной крепостью, и все попытки Валерки затянуть её в постель были напрасными.

– Ну, перестань обижаться, ты замечательный человек и я благодарна тебе за великолепный вечер, правда. Я так давно никуда не выходила из дома. Работа, работа, работа, вечером телевизор, сон. Скукота.

На Эльвире было одето красного цвета платье, которое обтягивало великолепные формы девушки. Открытая грудь девушки пленительно поднималась и, Валера каждый раз бросал на неё жадные взгляды. Большая часть мужчин в клубе только и смотрели в их сторону, в душе завидуя Валерке.

На сцену вышел парень с девушкой танцевать латиноамериканский танец. Их грация и пластика просто завораживала. Публика в изумлении застыла, чтобы не пропустить ни одного движения. Свет в зале погас и только прожектора, меняя цвета, освещали на сцене двух партнёров. Девушка в белом, прозрачном платье, поднимала тонкие руки, словно лебедь крылья и, прижимаясь к партнёру слегка вздрагивала. Сексуальность и ритмичность движений в сочетании с музыкой, придавала гладким, скользящим движениям сумасшедший темп. Прошлое, настоящее и будущее, на короткое мгновенье превратилось в некий вакуум, пленивший всех гостей ночного заведения. Когда танец закончился, и прозвучали финальные аккорды, зал буквально взорвался от аплодисментов. Люди кричали «браво», и не отпускали танцоров. Валера аплодировал стоя, и едва не забыл об Эльвире. Вывел его из оцепенения официант, с широким подносом в руках. Молодой парень поставил салаты и новую бутылку вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/angelov_gennadiy/ot-vinta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити